

Диалог индивидуального и социального как пространство синтеза социально-экономических теорий ценностной эволюции

Н.М. Плискевич

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Аннотация

Современный этап социально-экономического развития с присущим ему ускорением научно-технических изменений остро ставит вопрос о сбалансированности трех важнейших компонентов: технологического, институционального, культурного. В этих условиях особенно значимы комплексные исследования общественных процессов, прежде всего их основного субъекта – человека, нахождение того сочетания его индивидуалистических и социально ориентированных устремлений, которое способствовало бы снятию кризиса, вызванного нарушением требований закона техно-гуманитарного баланса. Как полагает академик В.М. Полтерович, попытки разработки соответствующей этой задаче обобщенной теории социально-экономического развития на основе монокаузальных концепций не дают решения. В работе исследуются различные теоретические междисциплинарные подходы к решению этой задачи. Анализируется концепция Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, в которой существенная роль отводится культуре и ценностным факторам в формировании институциональной структуры общества. Внимание уделяется теории В.М. Полтеровича о переходе от философии конкуренции к философии сотрудничества, предполагающей согласование индивидуальных интересов с общими задачами сообщества. Важное место в статье занимает анализ социологических исследований В.С. Магуна и М.Г. Руднева, которые выявляют существование группы населения, разделяющей «ценности роста» и сочетающей индивидуалистические устремления с социальной ответственностью. В статье также рассматривается теория экономической синергетики Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых, предлагающая переосмысление традиционных экономических категорий с учетом антропологических, ценностных и социокультурных факторов. Концепция Евстигнеевых ориентирована на преодоление дихотомии между государством и рынком через рассмотрение их как составляющих более широкой системы Социума, включающей в себя множество взаимодействующих субъектов различного уровня, объединенных

коммуникативным пространством развития. Сделан вывод о том, что успешность социальных трансформаций зависит от достижения баланса между технологическим прогрессом и социокультурным развитием общества, что, в свою очередь, требует формирования нового типа социальных связей и коммуникативных пространств, развития медиационного типа мышления.

Ключевые слова: социальная философия, индивидуальное, коллективное, индивидуалистические ценности, социально ориентированные ценности, компромисс, философия сотрудничества, социокультурное развитие, коммуникативное пространство, междисциплинарные исследования.

Плискевич Наталья Михайловна – старший научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН, заместитель главного редактора журнала «Вопросы теоретической экономики».

znplis@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>

Для цитирования: *Плискевич Н.М.* Диалог индивидуального и социального как пространство синтеза социально-экономических теорий ценностной эволюции // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 47–71. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-47-71

Dialogue Between the Individual and the Social: A Framework for Synthesizing Socio-Economic Theories of Value Evolution

N.M. Pliskevich

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The current phase of socio-economic development, characterized by accelerated scientific and technological change, urgently raises the question of balancing three crucial components: technological, institutional, and cultural. In this context, comprehensive studies of societal processes are particularly relevant, especially focusing on their primary subject – the individual – and identifying the optimal interplay between individualistic and socially oriented aspirations that can mitigate crises arising from imbalances between technological advancement and human values. As Academician V.M. Polterovich argues, attempts to develop a generalized theory of socio-economic development based on monocausal frameworks have proven inadequate. The article explores various interdisciplinary theoretical ap-

proaches to address this challenge. It analyzes the framework developed by D. North, J. Wallis, and B. Weingast, which emphasizes the significant role of culture and values in shaping societal institutional structures. Attention is also given to V.M. Polterovich's theory advocating a transition from a philosophy of competition to a philosophy of cooperation, which posits the reconciliation of individual interests with collective goals. The paper discusses the sociological research of V.S. Magun and M.G. Rudnev, which identifies a population segment embracing "growth values" that combine individualistic aspirations with social responsibility. Furthermore, the article considers the theory of economic synergetics proposed by L.P. and R.N. Evstigneev, which offers a reinterpretation of traditional economic categories by incorporating anthropological, value-based, and socio-cultural factors. The Evstigneevs' concept aims to transcend the dichotomy between state and market by viewing them as components of a broader societal system comprising numerous interacting agents at different levels, united by a communicative space of development. We conclude that successful social transformations hinge on achieving a balance between technological progress and sociocultural development, which, in turn, requires the formation of new types of social bonds and communicative spaces, and the cultivation of a mediation mindset.

Keywords: social philosophy, individual, collective, individualistic values, socially oriented values, compromise, philosophy of cooperation, sociocultural development, communicative space, interdisciplinary research.

Natalya M. Pliskevich – Senior Research Fellow, Center for Economic Theory of the Social Sector, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Deputy Editor-in-Chief of *Issues of Economic Theory* Journal.
znplis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>

For citation: Pliskevich N.M. (2024) Dialogue Between the Individual and the Social: A Framework for Synthesizing Socio-Economic Theories of Value Evolution. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 47–71. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-47-71

Введение

Новый этап научно-технического прогресса, в который вступил мир в XXI веке, с особой силой обострил проблему гармонизации трех компонентов этого процесса: технологического, институционального и культурного. Новые научно-технические достижения не только открывают перед человечеством невиданные ранее возможности, но чреваты и новыми рисками (как технологическими, так и социальными), грозящими самыми разными бедствиями.

Неслучайно в мире наблюдаются признаки опасного рассогласования компонентов техно-гуманитарного баланса, сформулированного еще в начале 90-х годов XX века как закон общественной жизни. Согласно этому закону устойчивость развития общества зависит от согласованности его технологического развития и уровня культурно-психологической регуляции социальных процессов [Назаретян 2017].

К сожалению, обычно в качестве ответа на такой технологический вызов ограничиваются требованиями по усвоению специфических инструментальных знаний, необходимых для работы в новых технологических условиях, овладению новыми навыками. Сегодня – это прежде всего навыки, связанные с цифровизацией производственной и быденной жизни. Однако очевидно, что всеобъемлющая и сложная проблема социокультурной регуляции не может быть ограничена сферой инструментальных знаний. Новый уровень технологического развития, создавая новые возможности коммуникации людей, требует и массового перехода к новому уровню социокультурной организации и самоорганизации. Этого же требует и сформулированный в рамках институциональной теории принцип согласованности динамики развития технологической, институциональной и культурной сфер жизни общества [Балацкий 2021].

Возрастающие в современном мире признаки роста социальной напряженности, выраженные, в частности, в разрастании конфликтов как внутри стран, так и между ними, в невозможности устоявшихся институциональных структур хотя бы смягчить эти конфликты, свидетельствуют о том, что рассогласование трех указанных компонентов достигает критического уровня. Эти процессы мы наблюдаем и в наиболее развитых странах, в которых казалось бы устоявшиеся социально-политические институты под напором популистских настроений масс могут оказаться в опасности. В еще большей опасности находятся общества т.н. догоняющего развития или проходящие сложный процесс постсоциалистической трансформации с их еще неустоявшимися институтами. Особенно опасной видится ситуация, при которой находящиеся у власти круги, получившие преимущества на каком-то промежуточном этапе развития (т.н. промежуточные выгодоприобретатели [Hellman 1998]), стремятся сохранить status quo, консервируя или даже ужесточая институты, поддерживающие выгодную для них ситуацию. Но такая

политика ужесточения институтов противоречит требованиям и разворачивающегося технологического прогресса, и объективно развивающегося вместе с ним общества. Иными словами, стратегически подрывает устойчивость общества в соответствии с законом техно-гуманитарного баланса.

Все это говорит о важности комплексных социокультурных исследований развивающихся общественных процессов, прежде всего их основного субъекта – человека. Становится очевидным, что человек, его особенности, ценностные ориентации, его приверженность индивидуалистическим или социально ориентированным принципам оказываются именно таким звеном, от качественных характеристик которого зависит и качество соотношения перечисленных компонентов социально-экономического развития. Поэтому столь важно выявить возможности синтеза усилий экономистов, естественно ориентированных на поиск путей ускорения экономического роста, и социологов, усилия которых сконцентрированы прежде всего на специфике ценностных ориентаций тех или иных сообществ, их культурных особенностях.

Разумеется, попытки синтеза различных дисциплин сталкиваются со многими препятствиями, возникающими в первую очередь из-за различий методологических подходов разных наук. Свою роль играют и различия задач, которые ставят перед собой в каждом конкретном случае и отдельные исследователи, и их группы. Но, думается, что сам предмет анализа – человек как сложный феномен – диктует необходимость постоянного диалога ученых, изучающих, с одной стороны, влияние ценностного мира людей на качество функционирующих в обществе институтов, с другой – воздействие этих институтов на эволюцию ценностного мира. Если даже при этом не состоится подлинно междисциплинарная гармония представителей разных наук, то вполне возможным представляется их взаимное обогащение в ходе такого диалога.

Именно заинтересованный диалог может помочь снять ряд существенных преград, разделяющих дисциплины, особенно на «стилистическом» уровне. Он способен подтвердить, что «отдельные области научного познания вполне могут “учиться” друг у друга» [Либман 2023, 45]. Это особенно важно в ситуации, как пишет В.М. Полтерович, в которой, по признанию ведущих дисциплинарных исследователей, их попытки построить полноценную теорию социально-экономического развития не удались

и «в рамках монокаузальных подходов задача оказалась неразрешимой» [Полтерович 2022, 53].

Думается, что такой диалог вряд ли будет продуктивен, если в его основе окажется полемика о «первичности» изменений, происходящих либо в институциональной, либо в ценностной эволюции общества. Примером может служить относительно недавняя заочная полемика между такими ведущими представителями изучения ценностей, как Р. Инглхарт и К. Вельцель, и экономистами-институционалистами Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном. Сам принцип акцентирования внимания либо на ценностях, либо на институтах показал, что при таком подходе оказываются непроясненными многие аспекты взаимосвязи двух компонентов. Так, В.М. Полтерович утверждал, например, что методология Вельцеля не объясняет, за счет чего могут совершенствоваться гражданская культура и, соответственно, ценности при «плохих» институтах [Полтерович 2018а]. Аджемоглу и Робинсон часто не учитывают личностные факторы в объяснении ряда парадоксальных процессов, не соответствующих, например, господству экстрактивных институтов в СССР 30-х годов XX века и экономического роста указанного периода [Балацкий, Плискевич 2017]. Это лишь один из примеров полемики, не учитывающей всей сложности предмета исследования – общества и составляющих его людей. Сама эта сложность ориентирует на диалог дисциплин, в процессе которого открывается возможность более объемного подхода к предмету исследования.

На пути к диалогу: от институциональных структур к институциональной динамике

Ближе к идеям взаимодействия институционального и ценностного подхода стоит концепция Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, получившая наибольшую известность благодаря их книге «Насилие и социальные порядки» [Норт и др. 2011]. Может быть, корни этого стоит искать в том, что соавторы являются представителями разных наук: институциональной экономики, экономической истории и политологии. К тому же Д. Норт всегда делал акцент на роли культуры, ценностных факторов в формировании институциональной структуры общества, особенно тех институтов, которые принято называть неформальными. Для него был важен набор социокультурных, ценностных качеств,

которыми обладают индивиды, как фактор успешности институционального строительства. Он неоднократно обращал внимание на важность расширенного определения того, как индивидуальные убеждения взаимодействуют с социальным контекстом, что «дает нам набор механизмов, при помощи которых культура и социальные институты более непосредственным образом проникают в объяснение экономических изменений» [Норт 2010, 61]. Норт пишет о том, что «культурное наследие формирует искусственную структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая не только играет существенную роль в определении непосредственных выборов, которые делаются игроками в обществе, но и дает нам ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче искусственная структура, тем ниже степень неопределенности процесса принятия решений в некоторый момент времени» [Норт 2010, 61].

Поэтому для Норта и его коллег важнейшим направлением анализа было не описание институтов порядка открытого доступа и связанных с ними успехов, а исследование процессов того, как общества пришли к этим порядкам в процессе эволюции порядков ограниченного доступа. Чтобы безболезненнее преодолевать сложности такого пути, Д. Норт и его коллеги полагают более необходимым «помогать обществам с ограниченным доступом, чтобы их организации становились сильными и подчинялись правилам, нежели пытаться установить полностью открытую экономическую и политическую конкуренцию в обществах, где угроза насилия надолго консервирует систему порядков ограниченного доступа» [Норт и др. 2012, 33].

Вместе с тем Норта и его коллег упрекают в том, что в их книге «практически не обсуждается роль общих ценностей и убеждений (без которых проблематично достижение соглашений между разными группами в элитах и едва ли возможно функционирование организаций, способных контролировать соблюдение этих соглашений)» [Яковлев 2020, 60]. Разумеется, как признавали и авторы работы «Насилие и социальные порядки», в анализе они делали акцент именно на организациях, сложившихся в обществе и задающих вектор его социального развития. Однако из этого не следует, что они игнорируют социокультурный, ценностный контекст. Просто предполагается, что он «распылен» в обществе и в таком качестве действует на функционирование сложившихся в

нем организаций и институтов¹. Вместе с тем, говоря о пороговых условиях, необходимых для перехода к порядкам открытого доступа, Норт и его коллеги вводят такую важную составляющую сознания людей, пытающихся совершить этот переход, как убеждения. Это прежде всего те убеждения, которые они называют каузальными, «касающимися причинных связей между действиями и результатами в мире и вокруг нас»; то же, что обычно мотивирует, радует, злит и пугает людей, они считают данностью, индивидуальными предпочтениями [Норт и др. 2011, 78]. Поскольку основой пороговых условий перехода к порядкам открытого доступа в их теории оказывается обезличенность институтов, т.е. их существование, независимо от того, какая именно личность в данный момент возглавляет данный институт, то и к индивидуальным интересам и убеждениям они стремятся подходить обезличенно. Так, среди трех тезисов, выделенных ими в качестве главенствующих для организаций, второй гласит: «Социальные технологии структурирования организаций зависят от личности и идентичности индивидов внутри этой организации. Создать обезличенную, бессрочно действующую организацию, идентичность которой не зависит от идентичности ее членов, достаточно трудно. Но там, где это удастся, происходит радикальное изменение самой возможности отношений между индивидами» [Норт и др. 2011, 430–431].

Полтерович: от «философии конкуренции» к «философии сотрудничества»

Основной пафос концепции Норты и его коллег состоит в выстраивании *концептуальных рамок* нового подхода к проведению общественно-научных исследований эволюции от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа как порядкам, обеспечивающим минимизацию насилия при решении социальных проблем. По сути, этим же пафосом пронизана концепция В.М. Полтеровича, в рамках которой эволюция общественных отношений видится как переход от философии конкуренции, предполагающей узко индивидуалистические устремления, борьбу «с нулевой суммой», включающую в себя и насилие в отношении

¹ Это можно трактовать и в качестве одного из примеров того, как конкретная задача исследования вынуждает к его «сужению», сведению к минимуму ценностного компонента во имя более четкого представления институционального.

контрагентов, к философии сотрудничества как взаимодействия, основанного на диалоге участников, согласовании их интересов с учетом индивидуальных интересов партнеров, но скорректированных с позиций их общих задач, обусловленных вхождением в то или иное сообщество. Переход к социально-экономической системе, основанной на сотрудничестве, объективно продиктован необходимостью минимизации неоправданных издержек, неизбежно возникающих в условиях жесткой конкуренции. Эти издержки по мере усложнения социальной реальности в современном мире резко возрастают [Полтерович 2018б].

Задача перехода от конкуренции к сотрудничеству особенно сложна для стран т.н. догоняющего развития. Крайне опасным является пренебрежение социокультурными возможностями общества и стремление внедрения в неподготовленную для этого социальную ткань институтов развитых сообществ. Такая практика неоднократно вела к провалам модернизации в постколониальный период [Эйзенштадт 2010], а при посткоммунистической трансформации – к существенным искажениям имплантируемых институтов и деформациям всей системы [Плискевич 2022; Плискевич 2023]. Поэтому в своих работах Полтерович особое внимание уделяет проблеме построения системы промежуточных институтов, способствующих, с одной стороны, социально-экономическому развитию, с другой – учитывающих возможности восприятия институциональных новаций в данном обществе (см. подробнее: [Полтерович 2007]). Он полагает, что такая система дает ответ на поставленный Нортом и его коллегами вопрос о том, «как улучшить социальную организацию, чтобы обеспечить увеличение выпуска, снижение уровня насилия, стабильную политическую систему и повышение уровня благосостояния граждан, при этом оставаясь в режиме ограниченного доступа» [Норт и др. 2012, 7]. Тем самым Полтерович вступает в конструктивный диалог с Нортом и его коллегами. В этом диалоге он утверждает: «В отличие от авторов монокаузальных теорий, я полагаю необходимым для объяснения социально-экономического развития рассматривать взаимовлияние институтов, гражданской культуры, технического прогресса и уровней благосостояния; целесообразно также учитывать географические факторы». Развивая свою концепцию, Полтерович подтверждает идею Норта и коллег о снижении роли насилия, которое «является атрибутом не только власти, но и конкуренции» [Полтерович 2018а, 23–24].

Анализируя процесс социально-экономического развития и сопровождающих его технологических изменений, Полтерович демонстрирует объективную необходимость усиления, особенно в современном мире, роли сотрудничества, координации, механизмов кооперации, «чтобы корректировать конкуренцию, “игру рыночных сил”. Повышение ответственности общества за неблагоприятные случайности, жертвой которых мог стать любой гражданин, ознаменовало начальный этап перехода к новому пониманию роли государства как посредника в горизонтальном сотрудничестве между гражданами» [Полтерович 2018б, 90]. Складываются ориентирующие на это новые формы государственного патернализма. К рубежу XX–XXI веков стало понятным, что «сотрудничество между предприятиями в целом приносит обществу больше пользы, нежели вреда. Возможно, что этому способствовало повышение гражданской культуры предпринимателей, осознание социальной ответственности бизнеса перед обществом» [Полтерович 2018б, 91].

Решающую роль в становлении институтов сотрудничества играет эволюция морали и гражданской культуры общества. Возвращаясь к концепции Норта и его коллег, дополним, что нормы и ценности могут поддерживаться «за счет организованного насилия, социального одобрения и осуждения или благодаря интериоризации (интернализации) норм. Принуждение путем насилия требует значительных затрат, а социальное одобрение или осуждение не всегда эффективно. Интериоризация норм честности и добросовестности снижает издержки сотрудничества» [Полтерович 2018б, 93]. В целом же успех развития институтов сотрудничества зависит от того, насколько эффективен будет баланс между культурой и институтами. По сути, Полтерович фактически формулирует требования закона техно-гуманитарного баланса, о котором говорилось в начале статьи.

Перспективы общественного развития он определяет следующим образом: «Вместо “конца истории”, будто бы наступающего в результате доминирования инклюзивных институтов или порядков открытого доступа, предлагаемая... теория предсказывает длительный процесс сокращения транзакционных издержек, порождаемых механизмами конкуренции и власти, при возрастании роли механизмов сотрудничества вследствие развития гражданской культуры и роста благосостояния, обусловлен-

ного технологическими и организационными инновациями» [Полтерович 2018б, 97–98].

Между тем в концепциях и Норта, и Полтеровича практически не отражена тема изменений самого человека, его ценностных предпочтений, связанных с качественными изменениями окружающей его социальной среды. Они видятся как, по сути, его естественная часть, хотя человек – ведущий субъект этого процесса, и от изменений в структуре его ценностей во многом зависит то, каким образом будут эволюционировать создаваемые им организации, возникнет ли новая институциональная структура, смягчающая или вообще исключающая возможности применения насилия при возникновении того или иного конфликта интересов. Необходим взаимозаинтересованный диалог, прежде всего экономистов и социологов. Представляется, что на его основе можно по-новому взглянуть на особенности и индивидуализма, и коллективизма, что предполагает отказ от крайностей в восприятии и одного, и другого из этих начал. В этой связи хотелось бы обратить внимание на две концепции (социологическую и экономическую), знакомство с которыми, возможно, заставит специалистов другой дисциплины по-новому взглянуть на собственные построения, внести в них новые элементы или получить подтверждения своим построениям в данных, полученных коллегами.

Ценности Роста как пример сочетания индивидуального и социального

Прежде всего рассмотрим один из аспектов анализа ценностных изменений современного европейского общества, в т.ч. российского, как вписывающегося в его общую картину, который проведен В.С. Магуном и М.Г. Рудневым в рамках Европейского социального исследования (ESS)². Авторами был использован анализ латентных классов как вариант латентно-структурного анализа, позволивший выделить в 2008 году ряд ценностных групп, показавших устойчивость на данных исследования ESS 2008, 2010, 2012 и 2018 годов³. Ценностные группы отличаются друг от друга по ценностным профилям (характерным ответам на вопросы о

² ESS проводится с 2000 года более чем в 20 странах Европы (Россия присоединилась к нему в 2006 году). Оно опирается на методологию Ш. Шварца по анализу изменений базовых ценностей [Schwartz 1994].

³ Такие расчеты по материалам обследования 2021 года еще не проведены.

ценностях шкалы Ш. Шварца). Для наглядности В.С. Магун и М.Г. Руднев расположили эти группы в пространстве объединенных (укрупненных) ценностей Шварца, формируемом двумя осями «Сохранение – Открытость изменению» и «Самоутверждение – Забота о людях и природе» [Магун, Руднев 2021, 334–335]. И по одной, и по другой оси, как видно на рисунке, просматривается положение каждой из выделенных групп ценностей по отношению к полюсам либо индивидуалистических, либо социальных ориентаций.

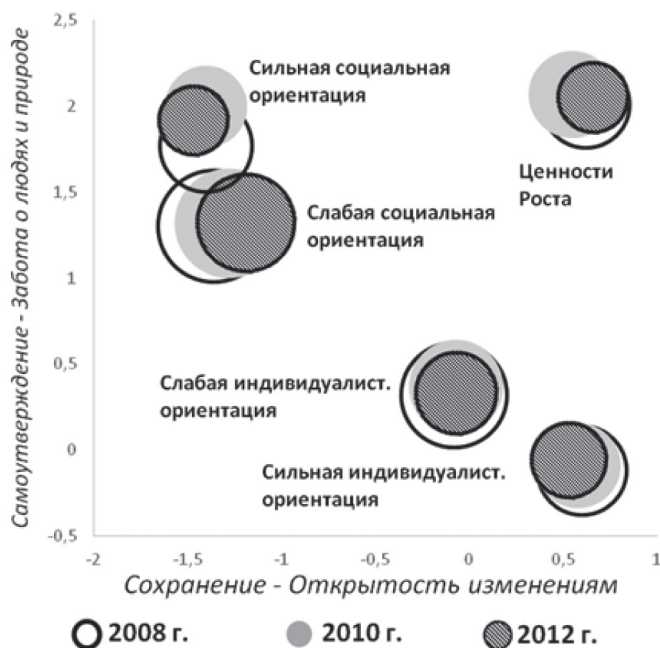

Рис. Ценностные классы европейского населения в пространстве ценностных осей Шварца (объединенная типология европейских стран по трем раундам ESS 2008–2012 годов; классы расположены в соответствии со средними значениями по каждой из ценностных осей) [Магун, Руднев 2021, 334].

В целом расчеты Магуна и Руднева показали, что мир ценностей европейцев характеризуется не страновыми различиями, а особенностями комбинации выделенных ими пяти ценностных групп. Оказывается, что в каждой стране ценностный мир ее жителей представляет собой различные комбинации этих ценностных групп. К тому же проводимые в течение не одного

десятилетия исследования ценностных структур европейских сообществ свидетельствуют об изменчивости этих структур и их соотношения. Поэтому сегодня «представления о неизменности базовых ценностей, присущих населению той или иной страны, постепенно уступает место вопросам о том, под влиянием каких факторов ценности могут меняться, какими темпами эти изменения происходят, какие ценности наиболее изменчивы или, наоборот, стабильны» [Магун 2023, 45]. Тем самым акцент смещается с изучения общества как стабильного в своих базовых ценностях к его анализу как подвижной, изменяющейся системы, при этом системы, являющейся частью глобального мира. Характерным является и то, что представители каждой из выделенных ценностных групп оказываются более «близкими по духу» представителям такой же группы из других стран, нежели жителям собственной страны, которые входят в другие ценностные группы.

Хотя в рамках исследования ESS 2021 года расчеты по пяти выделенным ценностным группам не завершены, но, как свидетельствуют общие данные, сегодня можно предположить, что тенденции, выявленные в 2018 году, по отношению к ценностным группам вряд ли существенно изменятся. Из складывающейся ситуации 2018 года следует, что в пространстве ценностей Шварца образована некая диагональ, которую составили две противоположности: носители, с одной стороны, сильно и слабо выраженной индивидуалистической ориентации, с другой – сильно и слабо выраженной социальной ориентации. Выстраивание этой диагонали (в ее составе, по данным ESS, оказываются примерно 80% европейского населения), по мнению Магуна и Руднева, служит свидетельством конфликтности отношений между носителями индивидуалистически и социально ориентированных ценностей, т.е. наблюдается конфликт «между ценностями благополучия других людей и ценностями собственной активности. Люди, ценящие заботу об окружающих и их благополучие, не ценят собственную активность, предпочитая действовать по внешним программам, а те, кто ценят самостоятельное действие, наоборот, равнодушны к окружающим» [Магун, Руднев 2021, 338]. Думается, этот вывод можно интерпретировать и как сигнал опасности в условиях разбалансировки технологического баланса вследствие быстрых технологических изменений и не успевающих за ними изменений институциональных и культурных.

Нельзя не обратить внимания еще на одну выделенную Магуном и Рудневым ценностную группу, названную ими Ценностями Роста. Входящие в нее одновременно в большей степени привержены и Открытости изменениям (одному из индикаторов индивидуалистических ценностей), и Заботе о людях и природе как индикатору социально ориентированных ценностей. Определяя этот набор как Ценности Роста, Магун и Руднев обращаются к идеям, связывающим экономический рост с потребностями человека в развитии и самоактуализации, с одной стороны, и учетом возможных потерь и вреда от реализации их начинаний – с другой.

По сути, выделенная группа носителей Ценностей Роста представляет собой сочетание устремлений, о котором, в частности, пишет и В.М. Полтерович, развивая идеи перехода от конкуренции к сотрудничеству. Носители этой группы ценностей не примыкают в Европе к господствующим и противостоящим друг другу индивидуализму и социальности, разместившись на ценностной диагонали, символизирующей конфликт индивидуального и социального начал. У них отсутствует конфликт между ценностями Заботы и Открытости при низкой значимости ценностей Сохранения и Самоутверждения, т.е. наблюдается индивидуалистическая ценностная ориентация личностей, при этом внутренне сбалансированная учетом в своих действиях и намерениях важности вписывания их в общие устремления окружающего социума.

В целом, согласно расчетам 2018 года, количество носителей Ценностей Роста в Европе пока невелико (около 20%). Но большинство из них составляют существенную часть населения наиболее развитых стран Европы: от 54% населения Швеции до 30% – Испании [Магун, Руднев 2021, 340]. Носители Ценностей Роста представлены и в России. Их мало, хотя это количество, пусть и медленно, но растет. Если в 2008–2014 годах к ним относили 4% населения, то в 2018 году цифра составила 8% [Магун, Руднев 2021, 348]. Нельзя не указать на важное изменение в ценностной картине российского общества, подтверждающее общую тенденцию быстрой эволюции базовых ценностных представлений населения нашей страны. Речь идет об изменении соотношения носителей преимущественно индивидуалистических и преимущественно социально ориентированных ценностей. По данным ESS, если в 2006 году соотношение социально и

индивидуалистически ориентированных групп населения составляло 49% к 46%, то к 2018 году оно изменилось на 38% к 54% [Магун, Руднев 2021, 348].

Если, по данным ESS 2021 года, пока нет расчетов по пяти укрупненным группам, то сведения о ситуации с составляющими их ценностными компонентами уже доступны. Разумеется, опрос, проведенный в 2021 году, не мог зафиксировать возможные ценностные изменения в российском обществе двух последних лет, особенно сложных. Хотя влияние предыдущего пережитого россиянами стресса, связанного с ковидом и сопутствовавшими ему ограничениями, в 2021 году можно было отследить. Относительно России приведенные данные подтверждают прежде всего выявленную ранее тенденцию на превалирование респондентов, придерживающихся индивидуалистических ориентаций, над теми, кто по-прежнему выступает сторонником социально ориентированных ценностей. Однако и внутри компонентов, составляющих индивидуалистические ценности, происходят существенные изменения. По данным ESS 2021 года, «ценности активного индивидуализма (гедонизм, риск-новизна, самостоятельность) стали более важными, а приверженность ценностям эгоистического индивидуализма (достижение и власть-богатство), наоборот, ослабла» [Магун 2023, 50]. Наблюдаются и противоположные тенденции в эволюции ценностей, входящих в общий блок Заботы о людях и природе. С одной стороны, растет альтруистический потенциал заботы о близких и окружающих людях (ценности благожелательности), с другой – ослабевает стремление заботиться о широком круге людей, не входящих в непосредственное окружение (ценности универсализма). При этом в 2006 году такая ценность в России была на низком уровне по сравнению с другими европейскими странами, и она продолжает снижаться [Магун 2023, 54].

Представляется, что изложенные результаты исследования эволюции ценностной картины российского общества необходимо учитывать при анализе возможностей преобразования его институциональной структуры как, с одной стороны, потенциала, открывающегося благодаря этим ценностным изменениям, а с другой – ограничений, обусловленных их современным состоянием. Изменение ценностной структуры – лишь один из аспектов единого процесса, дающий толчок более глубинным культурным изменениям, связанным прежде всего с формированием новой

гражданской культуры, отличающейся от прежней более осознанным, ответственным поведением и большинства граждан, и элитных слоев общества. Отметим, что Полтерович, развивая идеи перехода от принципов конкуренции к принципам сотрудничества, пишет о том, что этот переход предполагает необходимость широкого диалога в процессе поиска решений, пусть и не в полной мере устраивающих каждого из участников, но в итоге оказывающихся если не выгодными, то вполне приемлемыми для всех. Именно это может служить критерием достижения эффективного баланса между ценностями и культурой в целом, с одной стороны, и институциональной структурой – с другой.

Выделенные Магуном и Рудневым Ценности Роста, полагаем, в наибольшей степени соответствуют рассмотренным критериям. Нельзя не учитывать и того факта, что большинство населения современной Европы все еще концентрируется на выстроенной этими авторами ценностной диагонали как индикаторе противостояния индивидуалистических и социально ориентированных ценностных установок, которое ввиду их базовой противоположности чревато конфликтами и даже нарастанием насилия. То, как будут развиваться такие процессы, удастся ли смягчить в этом противостоянии наиболее крайние позиции, во многом будет зависеть от хода дальнейшей эволюции не только ценностных, но и институциональных структур.

Синергетический подход к проблемам экономического и ценностного развития

Указанные выше процессы важны не только для гармонизации общественной, в частности политической, жизни, усугубляющейся факторами новых рисков и неопределенностей, обусловленных ускорением научно-технических изменений. Не менее значимы они и для поиска новых стимулов экономического роста, от успехов которого, в свою очередь, зависят и успехи ценностной эволюции во всем мире. Поэтому при анализе проблем экономического роста следует учитывать социокультурный компонент – различие между индивидуалистическим поведением и поведением, также основанным на приверженности принципам свободы выбора, но вместе с тем и выбора социально ориентированного.

Такой подход в своей теории экономической синергетики предложили Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы. Они исходят из представления о постоянном усложнении процессов в ходе технологического и

социального развития, взаимосвязей участвующих в нем не только изменяющихся объектов преобразующейся реальности, но и действующих в изменяющихся условиях людей как полноправных субъектов протекающих процессов. Поэтому предметом исследования должно стать системное единство объекта и субъекта, в котором роль субъекта приоритетна.

С этих позиций Евстигнеевы предлагают переосмыслить такую базовую экономическую категорию, как рынок, рассматривая его в качестве пространства развития. Согласно их интерпретации, рынок представляет собой механизм, обеспечивающий координацию и гармонизацию многообразных интересов участников экономических взаимодействий. Если на ранних этапах рыночные отношения ограничивались лишь экономической сферой, что позволяло теоретикам оперировать концепцией *homo economicus* как субъекта, руководствующегося исключительно экономической логикой, то современная действительность демонстрирует недостаточность изложенного подхода. Усложнение общественных отношений, взаимопроникновение различных сфер жизни приводят к тому, что экономическая рациональность уже не может быть рассмотрена в отрыве от политических, социальных, психологических и экологических факторов. Игнорирование этой многомерности делает невозможным достижение баланса интересов в современном обществе. Евстигнеевы пишут о том, что «речь идет о включении в систему социально-экономических структур духовного статуса индивида как неотъемлемой части физического и социального статусов. Это не проблема индивида как такового. Это проблема структуры социально-экономической системы» [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, 46].

Рассмотрение человека как многогранного субъекта, интересы которого охватывают социальную, культурную и политическую сферы, позволяет по-новому взглянуть на проблему экономической рациональности, включив в нее духовно-нравственное измерение, поскольку именно духовность определяет границы свободы в рамках конкретной цивилизации. Данный подход открывает перспективы для разрешения дихотомии индивидуализации и социализации. Происходит переход от упрощенных линейных моделей к более сложным синергетическим конструкциям, в которых рыночные механизмы, обогащенные социальным содержанием, становятся инструментом достижения общественного консенсуса. При отсутствии такого обогащения возникает риск деградации

социальных процессов: социализация вырождается в агрессивную политизацию, а индивидуализация – в социальную атомизацию. В результате происходит разрыв исторической преемственности, и общество превращается в совокупность разобщенных индивидов, подчиненных государственному управлению.

Хотя описанные Евстигнеевыми высокие стандарты личностного развития пока не стали массовым явлением, характерным не только для России, но и для других стран, это не отменяет необходимости теоретического осмысления закономерностей общественной эволюции в контексте ускоряющегося технологического прогресса. Авторы формулируют концепцию новой либеральной ментальности, которая органически соединяет индивидуальную свободу в текущих и стратегических решениях с полной ответственностью за эти решения и перед собой, и перед обществом. В данном контексте наиболее полным выражением свободы становится осознанный выбор, а человек в таком синергетическом либеральном обществе неизбежно сталкивается с необходимостью нравственного самоопределения.

Предложенная Евстигнеевыми трактовка рыночных отношений как субъектных взаимодействий противостоит примитивному индивидуализму. Важно понимать, что подлинный либерализм, защищающий право личности на саморазвитие, не противоречит коллективным формам организации общества. В этой системе координат ментальность выступает как индикатор зрелости общества, отражающий степень гармонизации способа производства и образа жизни в их движении к социализации (политизации) и демократизации (индивидуализации). Особое значение приобретает демократизация как механизм раскрытия индивидуального потенциала через активное взаимодействие общества и государства. Такое понимание природы экономического субъекта позволяет преодолеть традиционную дихотомию государства и рынка: «реальность ставит нас перед необходимостью исследовать рынок и государство как целостную, нерасчлененную систему, далеко выходящую за рамки этой формулы» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 30]. В концепции Евстигнеевых рынок и государство выступают как составляющие более широкой категории Социума – сложной системы, включающей в себя множество взаимодействующих субъектов различного уровня: от отдельных личностей до бизнес-структур, общественных объединений и государственных институтов.

Поэтому в концепции Евстигнеевых такие традиционные для экономического анализа категории, как капитал и доход, приобретают ментальную окраску. Она связана с ценностными особенностями субъектов социально-экономического действия, в устремлениях которых преобладают либо тенденции к постоянно-му совершенствованию, развитию, что сопряжено с капиталом как мотором созидательных сил, либо стремление к перераспределению имеющихся в обществе ресурсов и получению дохода, основанного на удаче в процессе этого перераспределения. Такое разграничение капитала и дохода как стимулов социально-экономической деятельности опирается на разграничение традиционно понимаемой индивидуалистической ментальности и ментальности, как ее представляют Евстигнеевы, подлинно либеральной, сочетающей в себе, с одной стороны, стремление к свободе, с другой – четкое представление об ответственности за свои действия и перед окружающими, и перед собственной совестью.

Именно с такой либеральной ментальностью как стремлением к свободному развитию, присущему и индивидуализму, но включенному в социальный контекст, предполагающему осознание ответственности за свои действия, соединяется у Евстигнеевых понятие капитала. Данное понятие трактуется в развитии, которое проходило в течение нескольких столетий, начиная с товарных и денежных форм, а затем с переходом к промышленному и, наконец, финансовому капиталу, понимаемому как системное единство всех указанных компонентов. Это понимание финансового капитала, обретающего в ходе исторического развития новое качество, занимает ключевое место в концепции Евстигнеевых и существенно отличается от трактовок, принятых со времен Р. Гильфердинга. Евстигнеевы признавали, что, по их наблюдениям, такая интерпретация финансового капитала «труднее всего воспринимается читателем» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 164]. Но именно она открывает путь к теоретическому объединению традиционно экономических и ценностных, нравственных начал.

В концепции Евстигнеевых категория капитала получает новое, расширенное толкование, связанное с либеральной ментальностью как синтезом индивидуальной свободы и социальной ответственности. Их понимание капитала выходит за рамки традиционной экономической трактовки, прослеживая его эволюцию от простых товарно-денежных форм к сложному системному

единству, включающему в себя социальные и нравственные компоненты. В этой концепции капитал становится не просто экономическим ресурсом, а движущей силой развития, охватывающей все формы ресурсов, от финансовых до человеческих: «Добрые качества людей имеют наиболее глубокие корни в капитале» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 67].

В противоположность капиталу, категория дохода в их теории приобретает иное смысловое наполнение. Она встраивается в последовательность «индивидуалистическая ментальность – доход – рентная экономика – бюджетная экономика», символизируя непроизводительное использование ресурсов и экономическую стагнацию. Если капитал ассоциируется с развитием и нравственным прогрессом, то доход в их интерпретации связан с негативными тенденциями в экономике и обществе, характерными для кризисной ментальности, порожденной рентными отношениями и системой бюджетного перераспределения ресурсов. Однако Евстигнеевы не предлагают радикального отказа от существующей системы. Они видят решение в достижении баланса между полярными категориями «капитала» и «дохода», поэтому «главное назначение системы “капитал – доход” состоит в формировании механизма рыночной самоорганизации, вбирающей в себя и социальную эволюцию общества» [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, 69].

Преодоление кризисных явлений в современном обществе находится не в плоскости простого увеличения капитальных вложений, а становится возможным через насыщение общества новой «социальной энергетикой», повышение «степени свободы выбора для экономических субъектов и, соответственно, их социального тона» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 131]. Для реализации изложенного подхода необходимым становится формирование особого «коммуникативного пространства», внутри которого происходит органичное взаимодействие всех элементов социально-экономической системы: от отдельных личностей до государственных институтов, от абстрактных категорий рынка до конкретных проявлений менталитета, характерного для широких групп населения.

Заключение

Рассмотренные теоретические подходы, несмотря на различия дисциплинарных перспектив, объединяет стремление осмыслить проблему достижения баланса между технологическим, институциональным и культурным измерениями социального развития.

Как экономические концепции (Норт, Полтерович, Евстигнеевы), так и социологические исследования (Магун, Руднев) показывают, что ключевым фактором гармонизации становится человек с его ценностными ориентациями и способностью сочетать индивидуалистические и социально ориентированные устремления.

Становится очевидным, что успешность общественных трансформаций, направленных на достижение указанного баланса, во многом зависит от социокультурной зрелости общества, его способности к формированию новых типов социальных связей и коммуникативных пространств. Поэтому оказывается вполне своевременным вопрос о том, «не является ли дихотомия “культура – общество” через понятия “индивидуализация социального”, “социоиндивидуализм”, “социально ориентированный индивид” и “социокультурный диалог” некоторым развитием в понимании внутреннего мира как индивида, так и общества, раздвоенных между старым и новым, статикой и динамикой, традицией и инновацией, между исторически сложившейся культурой и нацеленным на инновационное развитие обществом» [Давыдов 2023, 156]. Социокультурная динамика развивается «в “сфере между” исторически сложившимися полюсами в мышлении и управлении: между охраной родового, традиционного, накопленного веками, с одной стороны, и командно-административной ограниченностью происходящих социальных реформ – с другой» [Давыдов 2023, 153].

Хотя нельзя отрицать и сложности, возникающие на этом пути. Это и сложности, обусловленные конкретной ситуацией, в которой оказывается человек. Неслучайно А.С. Ахиезер считал, что путь российского человека к либерализму лежит через развитой утилитаризм, через повседневные жизненные практики, или вынуждающие приспособляться к реальности, или открывающие перспективы свободного развития. Л.Д. Гудков пишет о том, что причины сложившихся стереотипов массового поведения в настоящее время исходят не из запросов людей, не из архетипов русской культуры, а из прагматизма массового поведения – «механизмов вынужденной или принудительной адаптации к требованиям государства». Он обращает внимание на следующее: «Стратегия “понижающей адаптации”, свойственная большинству российского населения, оказывается разрушительной для общества, нуждающегося в иллюзиях и вере в “доброе государство” как условия и основы терпения и социальной стабильности» [Гудков 2022, 153, 160].

Это тревожные тенденции, особенно если вспомнить мысль Ахиезера о том, что отставание в освоении медиационного типа мышления, предполагающего отход от крайностей как индивидуалистического, так и коллективистского начал, т.е. отставание от требований, диктуемых нарастанием усложнения идущих в обществе изменений, приводит к «снижению социального эффекта решений, к росту инфантильности, что порождает нарастание дезорганизации» [Ахиезер 1998, 519]. Мы сталкиваемся с комплексной проблемой, связанной с типом мышления: «Экстенсивность – это логика мышления, специфика культуры, порождающей в критической ситуации насилие в бесконечно разнообразных формах. Его преодоление не является “исторической необходимостью”. Всегда есть возможность упадка, дезорганизации. Возможность преодоления экстенсивности заключается в развитии способности превращать кризис, вызванный неэффективностью, в источник энергии для выхода на новый качественный уровень решений» [Ахиезер 2008, 336]. Эти возможности скрыты именно в развитии самого человека. Неслучайно Евстигнеевы трактовали его ментальность как важнейшую экономическую категорию, определяющую качество социальной энергетики развития и экономического роста [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, 179].

И шанс на такой импульс, вызванный кризисом системы, не поспевающей за все ускоряющимся ходом технологических изменений, открывается с эволюцией от архаичных форм индивидуализации и социализации к их современному синтезу в мире свободно развивающихся социально ответственных личностей. Этому, в частности, способствует формирование государственных институтов, предполагающих и укрепление структур, направленных на развитие человека, и расширение возможностей организации диалога индивида как с государством, так и с разными группами общества для достижения взаимоприемлемого результата.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 1998 – Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Т. 2. Теория и методология. Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Ахиезер 2008 – Ахиезер А.С. Человек в поисках полноты бытия // Ахиезер А.С. Труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Новый хронограф, 2008. С. 11–283.

Балацкий 2021 – Балацкий Е.В. Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Ecomomicus. 2021. Т. 19. № 1. С. 36–52.

Балацкий, Плискевич 2017 – Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский

парадокс и современные события // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 97–117.

Гудков 2022 – Гудков Л.Д. Инерция государственного патернализма и его последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5. С. 153–161.

Давыдов 2023 – Давыдов А.П. Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Евстигнеева, Евстигнеев 2011 – Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Новые грани ментальности. Синергетический подход. – М.: URSS, 2011.

Евстигнеева, Евстигнеев 2016 – Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект – М.: URSS, 2016.

Либман 2023 – Либман А.М. Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 35–48.

Магун 2023 – Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.

Магун, Руднев 2021 – Магун В.С., Руднев М.Г. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / под ред. К. Рогова. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 325–353.

Назаретян 2017 – Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. – М.: Аргамак-Медиа, 2017.

Норт 2010 – Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010.

Норт и др. 2011 – Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Уэланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Норт и др. 2012 – Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности / пер. с англ. М. Дондуковского, Е. Леонтьевой. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Плискевич 2022 – Плискевич Н.М. Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала (Часть 1. Институциональные рубцы) // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 130–143.

Плискевич 2023 – Плискевич Н.М. Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 60–82.

Полтерович 2007 – Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007.

Полтерович 2018a – Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–26.

Полтерович 2018б – Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–102.

Полтерович 2022 – Полтерович В.М. На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 48–57.

Эйзенштадт 2010 – Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 42–67.

Яковлев 2020 – Яковлев А.А. Поиск институциональных решений через призму истории // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 57–63.

Hellman 1998 – Hellman J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. 1998. Vol. 50. No 2. P. 203–234.

Schwartz 1994 – Schwartz S.H. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. No. 4. P. 19–45.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience. Vol. 2: Theory and Methodology. Dictionary.* Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Akhiezer A.S. (2008) Man in Search of the Fullness of Being. In: Akhiezer A.S. *Works* (Vol. 2, pp. 11–283). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Balatsky E.V. (2021) The Principle of Consistency in the Theory of Social Development. *Terra Economicus*. Vol. 19, no. 1, pp. 36–52 (in Russian).

Balatsky E.V. & Pliskevich N.M. (2017) Economic Growth Under Extractive Institutions: The Soviet Paradox and Current Events. *Mir Rossii*. Vol. 26, no. 4, pp. 97–117 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Eisenstadt S.N. (2010) Modernization Failures. *Neprikosnovennyy zasap*. No. 6, pp. 42–67 (in Russian).

Evstigneeva L.P. & Evstigneev R.N. (2011) *New Facets of Mentality: Synergistic Approach*. Moscow: URSS (in Russian).

Evstigneeva L.P. & Evstigneev R.N. (2016) *Strategy of Economic Development of Russia: Theoretical Aspect*. Moscow: URSS (in Russian).

Gudkov L.D. (2022) The Inertia of State Paternalism and Its Consequences. *Journal of the New Economic Association*. No. 5, pp. 153–161 (in Russian).

Hellman J. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions. *World Politics*. Vol. 50, no. 2, pp. 203–234.

Libman A.M. (2023) Interdisciplinary Research and Mixed Methods: Prospects and Limitations. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 3, pp. 35–48 (in Russian).

Magun V.S. (2023) The Evolution of Basic Values of the Russian Population, 2006–2021. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*. No. 12, pp. 44–58 (in Russian).

Magun V.S. & Rudnev M.G. (2021) Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology. In: Rogov K. (Ed.) *The Dismantling of Communism. Thirty Years Later* (pp. 325–353). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Nazaretian A.P. (2017) *Nonlinear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting*. Moscow: Argamak-Media (in Russian).

North D. (2010) *Understanding the Process of Economic Change* (K. Martynov & N. Edelman, Trans.). Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

North D., Wallis J., & Weingast B. (2011) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* (D. Uelaner, M. Markov, D. Raskov & A. Raskova, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Press (Russian translation).

North D., Wallis J., Webb S., & Weingast B. (2012) *In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activity* (M. Dondukovsky & E. Leontyeva, Trans.). Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

Pliskevich N.M. (2022) Institutional Scars in “Borderline” Societies and the Evolution of Human Potential (Part 1: Institutional Scars). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 3, pp. 130–143 (in Russian).

Pliskevich N.M. (2023) Institutional Scars in “Borderline” Societies (Part 2: Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 60–82 (in Russian).

Polterovich V.M. (2007) *Elements of the Theory of Reforms*. Moscow: Ekonomika (in Russian).

Polterovich V.M. (2018a) Toward a General Theory of Socio-Economic Development. Part 1: Geography, Institutions or Culture? *Voprosy ekonomiki*. No. 11, pp. 5–26 (in Russian).

Polterovich V.M. (2018b) Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 2: The Evolution of Coordination Mechanisms. *Voprosy ekonomiki*. No. 12, pp. 77–102 (in Russian).

Polterovich V.M. (2022) On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards a Synthesis of Two Canons. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 48–57 (in Russian).

Schwartz S.H. (1994) Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? *Journal of Social Issues*. Vol. 50, no. 4, pp. 19–45.

Yakovlev A.A. (2020) The Search for Institutional Solutions Through the Prism of History. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 2, pp. 57–63 (in Russian).